

П. П. Семенов

Живописная Россия

Том 5: Малороссия, Подолия и Волынь. Часть 1

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П. П. Семенов**
Живописная Россия: Том 5: Малороссия, Подолия и Волынь. Часть 1 / П. П. Семенов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 343 с.

ISBN 978-5-518-03778-6

Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении.

ISBN 978-5-518-03778-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

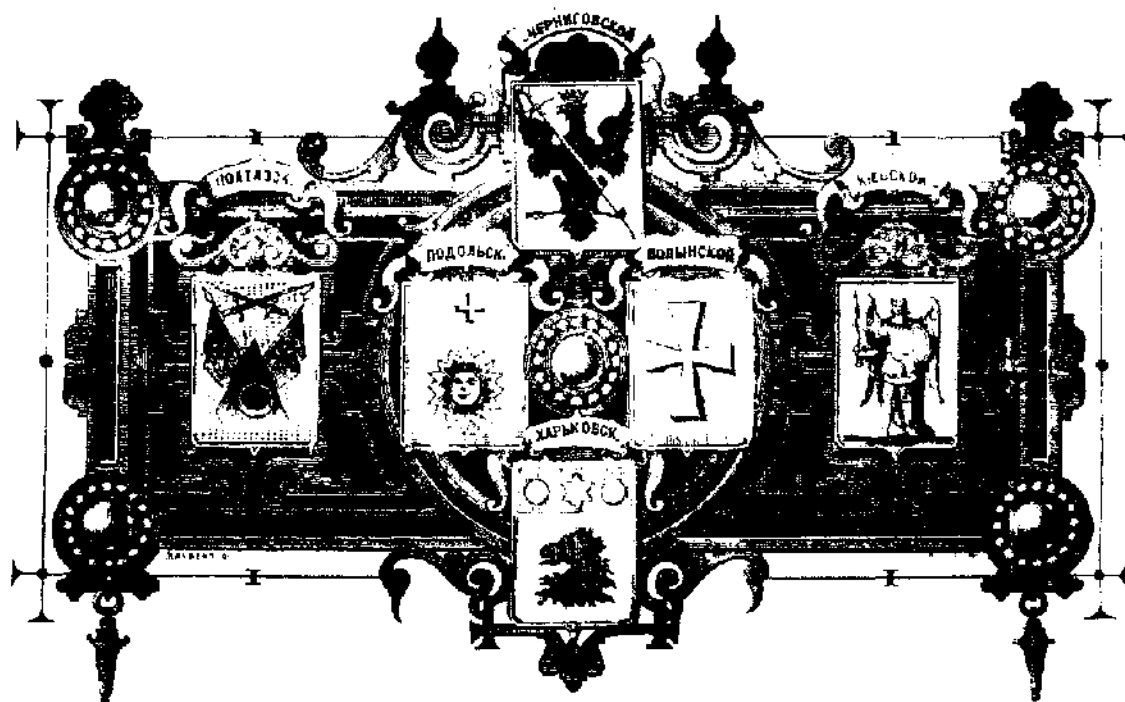
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

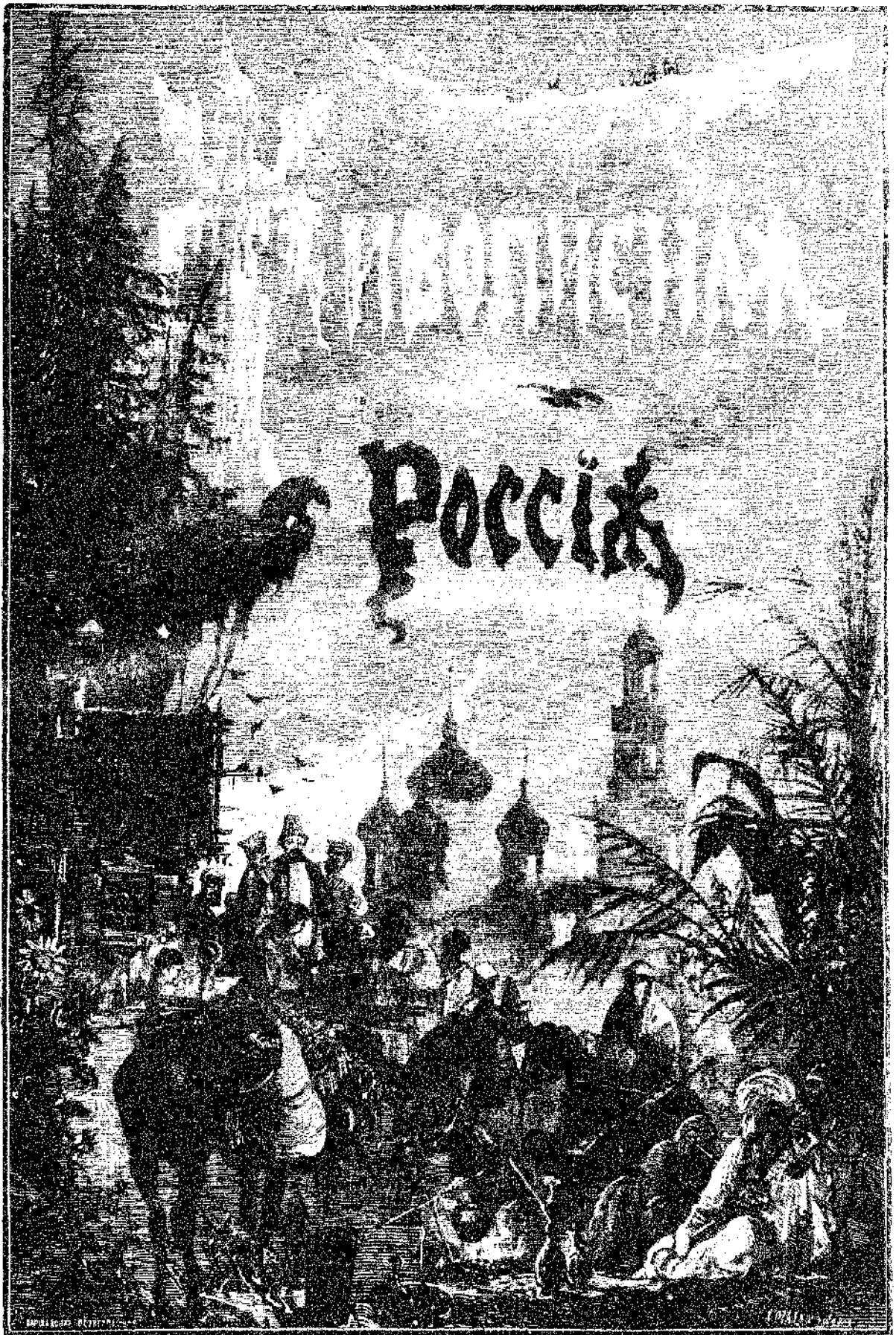

МАЛОРОССІЯ, ПОДОЛІЯ И ВОЛЫНЬ.

Полтавская, Черниговская, Водыжская, Подольская,
Харьковская и Киевская губерніи.

Гербы губерній.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1881

ОЧЕРКЪ I.

МАЛОРОССИЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

Особенности малороссійскаго племени и его распространеніе.—На характеристика плем.—Мірознавствіе и поэзія малороссыя.

*Ты знаешь край, едь все обиліемъ дышитъ.
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной колыло колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ манути хутора,
Среди садовъ деревья мнутъ долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый,
И мистъ, и тихъ, и мелея съюда небесь,
Шуля тростички надъ вѣтромъ трепещеть,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещеть,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
А къ облакамъ, клубясь надъ водою,
Блещитъ дымокъ синюющей струей?
Туда, едь серою было такъ легко.
Туда, куда всѣмъ сердцемъ я стрелюся,
Гдѣ на цвѣтотъ вѣтчикъ платитъ Маруся,
О старикъ поетъ славой Гриводі.*

А. Толстой

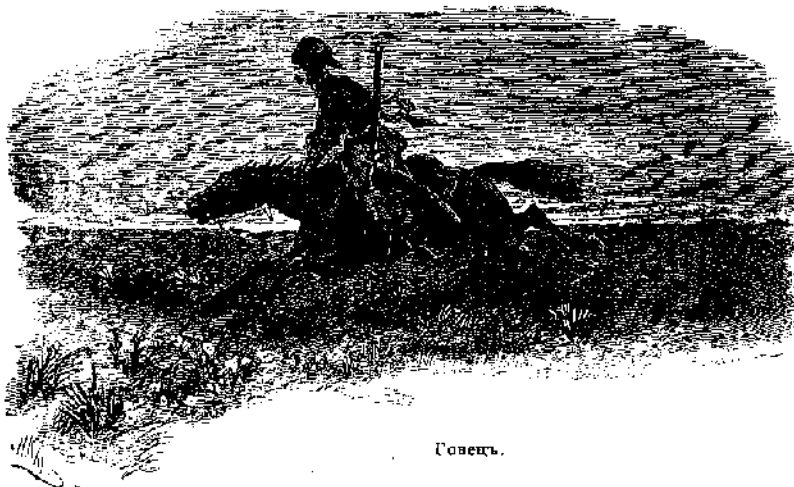
то представляет собою въ настоящее время Малороссія, которой прошлое отразилось на страницахъ исторіи столь яркими и подчасъ глубоко-симпатичными, эпизодически проходящими передъ нами, живыми группами историческихъ сценъ, типичными характерами личностей и такимъ драматизмомъ положеній, что немудрено подумаетъ въ свою пользу историческую память, а настоящее выступаетъ въ видѣ чего-то невысненнаго, неизученнаго, недостаточно оцѣненнаго? Что такое теперь эта Малороссія? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ и составитъ предметъ этого очерка.

Говоря вообще, историческое прошлое Малороссіи представляетъ непрерывный рядъ поэтическихъ, исполненныхъ яркой цвѣтности и глубочайшаго драматизма трилогій, въ которыхъ главныя дѣйствующія лица входятъ на историческія подмостки и склady съ нихъ окутанныя тою же, подступающею воображеніе, дымкою легендарности и гримированныя тою же героическою окраскою, какъ и избалованные, можно-сказать, міровою славой и міровою памятыю, всѣмъ знакомые со школьной скамьи, всѣми цитируемые, постоянно воспоминаемые историческіе дѣятели классической Греціи и Рима: эти полумифическіе Пріамъ и Гекуба, Гекторъ и

Прадничый день.

скаго мрана своєю картинностью историческія имена, начиная съ Вишневедкаго-Байды, «пьющаго горѣлочку» и «висящаго на крыюку» въ Стамбуль, съ Сагайдачнаго, промѣнявшаго жену на «тютюнь да трубку», съ Наливайка, Острилицы и кончая Богданомъ Хмельницкимъ съ его «чайкою-небогою», Дорошенко, что «ведеть свое войско хорошенъко», семидесятилѣтн имъ старцемъ Мазепою, безумно влюбленнымъ въ свою крестницу, молоденькую и хорошенъкую Мотрю Кочубей, — всѣ эти имена, ихъ героическая картинность, исторически неуваждаемая цвѣтность потому именно и являются такими неуваждаемо-яркими, что къ созданію ихъ историческиххъ обликовъ приложено *творчество народного духа*, что народная память

Гонецъ.

привѣтила ихъ имена, какъ яркія пятна, къ безцвѣтнымъ страницамъ исторіи сѣрыхъ массъ народныхъ. Именно, болѣшимъ, сравнительно, *участіемъ народного творчества* въ созданіи образовъ историческиххъ дѣятелей мы и объявляемъ нестираемость исторической памяти съ безсмертныхъ именъ Греціи и Рима, а въ меньшемъ масштабѣ — и Малороссіи.

Андромаха, Патроклъ и Ахиллъ, хитрецъ Одиссей и вриха Пенелопы, Менторъ и Телемакъ, Периклъ и Аспазія, повѣса Алкивиадъ и даже его безхвостая собака, плѣшивый Сократъ и злая Ксантиппа; эти Ромулъ и Ремъ съ волчицею-кормилицею, Гораци и Куриаци, Нума и нимфа Эгерія, Бреннъ и его тяжелый мечъ, Манлій капигольскій и даже гуси, простою, лапчатые гуси, и цѣлыя сотни именъ, извѣстныхъ всякому школьнику, не сходить до сихъ поръ съ языка всего человѣчества, — какъ, до извѣстной степени, и въ исторіи Малороссіи ярко выступаютъ изъ историче-

скаго мрана своєю картинностью историческія имена, начиная съ Вишневедкаго-Байды, «пьющаго горѣлочку» и «висящаго на крыюку» въ Стамбуль, съ Сагайдачнаго, промѣнявшаго жену на «тютюнь да трубку», съ Наливайка, Острилицы и кончая Богданомъ Хмельницкимъ съ его «чайкою-небогою», Дорошенко, что «ведеть свое войско хорошенъко», семидесятилѣтн имъ старцемъ Мазепою, безумно влюбленнымъ въ свою крестницу, молоденькую и хорошенъкую Мотрю Кочубей, — всѣ эти имена, ихъ героическая картинность, исторически неуваждаемая цвѣтность потому именно и являются такими неуваждаемо-яркими, что къ созданію ихъ историческиххъ обликовъ приложено *творчество народного духа*, что народная память

привѣтила ихъ имена, какъ яркія пятна, къ безцвѣтнымъ страницамъ исторіи сѣрыхъ массъ народныхъ. Именно, болѣшимъ, сравнительно, *участіемъ народного творчества* въ созданіи образовъ историческиххъ дѣятелей мы и объявляемъ нестираемость исторической памяти съ безсмертныхъ именъ Греціи и Рима, а въ меньшемъ масштабѣ — и Малороссіи.

Свѣдѣнія о современной Малороссіи являлись въ рус-

скомъ обществѣ какими-то несвязными обрывками, иногда ничего необъяснявшими, какими-то слухами, не всегда основательными, такъ что цѣльнаго представленія о современной Малороссіи, объ ея общественномъ, экономическомъ и культурномъ состояніи, нуждахъ, стремленіяхъ, объ ея, такъ сказать, жизненно-реальномъ и нравственномъ инвентарѣ составить было положительно невозможно, потому что все, интересовавшееся Малороссіею и изучавшее ее, попреимуществу, тяготѣло памятью, зна-

віями и симпатіями къ грустному и поэтическому прошлому этой страны. Настоящее оставалось въ тѣни, игнорировалось, сиротствовало. Только въ последнее время Малороссія — не

Кавказъ и дѣвуха.

архивная, не могильная, не сказочная и не пѣсенная, а живая, современная, работающая и дѣльная, богатая и убогая—только теперь живая Малороссія стала предметомъ оцѣнокъ усерд-

наго изученія. И надо сказать правду—въ этомъ отношеніи такъ много сдѣлано въ послѣдніе годы, въ самый короткій періодъ времени добыто столько цѣнныхъ матеріаловъ, что, при изученіи ихъ, современный обликъ Малороссіи, обликъ полный, всесторонній, выступастъ самъ собою, и общественный организмъ страны, съ его фیزیологическими и патологическими процессами, становится удобовслѣдуемымъ. Труды П. П. Чубинскаго, К. П. Михальчука и др., издаваемые въ послѣднее время въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ, представляютъ такую массу драгоценныхъ, буквально подавляющихъ своимъ богатствомъ, разнообразіемъ и полнотою свѣдѣній, что полное усвоеніе ихъ и воспроизведеніе живого современного обли-

ка Малороссіи возможны только при усидчивомъ изученіи этого богатаго послѣдства, завѣщающаго наукѣ на вѣчныя времена двумя помянутыми даровитыми тружениками.

Постараемся воспроизвести этотъ обликъ хотя бы въ слабомъ очеркѣ, придать этой массѣ опубликованныхъ о ней свѣдѣній такую компактность, которая дала бы возможность читателю не растеряться въ ней, не разбросать вниманіе и не утомить его на частностяхъ, деталяхъ и неизбежныхъ отступленіяхъ, а обнять

разомъ наиболее существенное, основное и, въ то же время, наиболее рельефное.

Подъ именемъ Малороссіи въ настоящее время понимается известная группа южно-русскихъ губерній, хотя, въ сущности, самое понятіе «Малороссія» не вполне уловимо, такъ какъ въ государственномъ смыслѣ оно выражаетъ собою нечто неполное, неопредѣленное, а въ смыслѣ этнографическомъ оно осложняется тѣмъ, что малоруссами признаютъ себя и тѣ этнографическія развѣтвленія малорусскаго племени, которыя территориально почти не связаны съ Малороссіею, какъ напр.,

малоруссы черноморскіе, донскіе и даже —турецкіе (въ Добруджѣ).

Площадь, на которой въ разныя времена обитало и понынѣ сидитъ населеніе, говорящее малорусскою или южнорусскою рѣчью, приблизительно захватываетъ 13.500 кв. миль. Рѣчь эта звучитъ въ устахъ почти 20.000.000 душъ обоюго пола—очень крупная вѣтка славянскаго дерева. Одна малорусская вѣтка обитаетъ собою въ Россіи—губерніи: Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Черниговскую (за исключеніемъ уѣздовъ: Суражскаго, Могилевскаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго), Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую—до Перекопскаго перешейка; уѣзды—Кобрянскій, Брестскій, почти весь Пружанскій, южный уголъ Слонимскаго, часть Бѣльскаго и южную полосу Бѣлостокскаго—Гродненской губерніи; Шляскій и часть Мозырскаго—Минской губерніи; Суджанскій, Грайворонской, Бѣл-

Сборъ на войну.

городской, Старо-Оскольскій, Путивльскій, большую часть Ново-Оскольского и наполовину Рыльскій—Курской губерніи; Бирюченскій, Коротоляскій, Острогожскій, Павловскій, почти весь Валуйскій и треть Богучарскаго—Воронежской губерніи; Хотинскій—Бессарабской области; восточную половину Люблинской губерніи и юговосточную половину Сѣдлецкой, наконецъ, всю землю черноморскихъ казаковъ. Спорадически южнорусское племя разбросано еще въ Россіи по землѣ войска донскаго, преимущественно въ округахъ Міусскомъ и Донецкомъ, въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Астраханской, Оренбургской. Этотъ восточный клинъ, иногда разрываясь, тянется очень далеко до самаго Амура. За предѣлами же Россіи, малоруссы исторически и территориально закрепили за собою, въ *Австро-Венгрии*, въ Галиціи собственно, округа: Чортковскій, Тарнопольскій, Золочевскій, Жолковскій, треть Буковины, Коломыйскій, Станиславскій, Бережанскій, Львовскій, Стрыйскій, Самборскій, Перемышльскій, Санокскій и юговосточный уголъ Сандецкаго; въ *Венгрии* — комитаты: Мармарошскій, Беречскій, Угочскій, Унгварскій и большую часть Сукмарскаго, Саболцскаго и Зем-

Сцены разставлія.

линскаго, а также часть Шаршскаго. Наконецъ, въ *Турціи*—въ области Добруджѣ, которая теперь занята русскими, въ томъ числѣ и южнорусскими солдатами.

Словесная культура этого 20-милліоннаго племени, отличающагося замѣчательнымъ творчествомъ, далеко еще не исчерпана собрателями этого творчества: Максимовичемъ, кн. Цертелевымъ, Лукашевичемъ, Меглинскимъ, Закревскимъ, Номисомъ, Давренкомъ, Рудченкомъ, Кулиномъ, Шейковскимъ, Гатцукомъ, Ильницькимъ, Руссовымъ, Костомаровымъ, Срезневскимъ, Гильтебрантомъ, Лозинскимъ, Жеготою, Голованкомъ, Паули, Вацлавомъ Залѣскимъ, Зенькевичемъ, Рудниковскимъ, Степнимъ, Новосельскимъ, и въ особенности Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ. Необходимо также упомянуть о почтенныхъ трудахъ Ефименки, Кушчанки и Лопачевского. Это богатство словесной культуры представляетъ собою, не только въ отношеніи внутренняго содержанія, аналогичные мотивы, сводящіеся къ общимъ идеаламъ и типамъ, но и въ отношеніи матеріала, концы они выражаются—сходные элементы въ словахъ, оборотахъ, этимологическихъ формахъ и фонетическихъ особенностяхъ рѣчи, сводящіеся къ общимъ лингвистическимъ законамъ, составленнымъ во всей совокупности принадлежность *одного этого* населенія. Въ южнорусской народной семьѣ наблюдателя поражаетъ также всеобщность болѣе или менѣе однообразнаго міровоззрѣнія, однакоже выражающагося—на обширномъ пространствѣ всей южнорусской территоріи — въ обрядахъ, вѣселяхъ, легендахъ, сказкахъ, пословицахъ и даже думахъ—однихъ и тѣхъ же, какъ на Днѣпрѣ, такъ и въ Карпатахъ, въ Бѣловѣжской пушчѣ и гдѣ-нибудь въ южныхъ степяхъ, на берегу моря и за Волгой—о богахъ съ киргизскими и калмыцкими улусами, что положительно подтверждается громадною массою матеріала, собраннаго г. Чубинскимъ. Характеръ южнорусса обнаруживаетъ также типически-

однообразныя черты, какъ и его міровоззрѣніе, и черты эти поражаютъ наблюдателя и въ Буковинѣ, и въ Добруджѣ, и въ Кіевѣ, и въ какой-нибудь степной саратовской Баландѣ или Мачухѣ. Черты эти «болѣе всего выражаются—говорятъ наблюдатели—во всеобщей склонности южнорусса къ задумчивой созерцательности, къ задушевному лиризму», комическую сторону котораго г. Тургеневъ думалъ изобразить тѣмъ, будто бы «сходлу» достаточно взять въ руки бандуру да запѣть «краю-краю-воронаю», какъ онъ тотчасъ же и заплачетъ, а Гоголь удачно соединилъ малороссійскій юморъ съ драматизмомъ въ своемъ бессмертномъ изреченіи: «сквозь видимый міру сѣкъ зрѣшь пенящими слезы».

У г. Чубинскаго мы находимъ весьма обстоятельную этнографическую и антропологическую характеристику малорусскаго типа. Выводы свои онъ дѣлаетъ на основаніи 1.355 отъ-

Возвращеніе съ войны.

токъ, которыя даютъ ему возможность подвести итоги и вывести среднія величины относительно типа малорусса по его «росту», по «цвѣту кожи», по «формѣ головы», по «цвѣту волосъ», по «формѣ бровей и сростанія ихъ», по «внѣшнему виду глазъ», по «цвѣту глазъ», по «величинѣ рта», по «формѣ челюстей», по «формѣ носа», по «ширинѣ носа», по «ширинѣ плечъ», по «высотѣ груди», по «ширинѣ груди», по «длинѣ рукъ», по «длинѣ ногъ», по «характеру», и по «быстротѣ походки». Среднія типичныя величины го-

ворятъ, что между малоруссами преобладаютъ типы, которые могли создаться только подъ жаркимъ солнцемъ юга. Малоруссы въ большинствѣ случаевъ брюнеты. Свѣтловолосыхъ между ними—въ меньшинствѣ 28%; остальные—черные и темнорусые. Голубые глаза встрѣчаются довольно рѣдко—менѣе 18%; преобладаютъ

темнобрые; каріе и черные глаза—почти у трети населенія. По внѣшнему виду—малоруссы красивы. Лица мужчинъ мужественны, и малоруссы почти всегда кажутся старше своего возраста, если его поставитъ рядомъ съ сверстникомъ великоруссомъ. Въ понятіе красоты у малорусса входятъ непременно «карія очи» (у красавицъ—«кари очепята») и «черныя брови» (даже «брови на шнурочку»). Тѣлосложеніе малорусса—большою частью умѣренное и даже скорѣе сухопавое, чѣмъ полное. Женщины значительно ниже ростомъ, чѣмъ мужчины, но зато довольно полны. Вообще о малорусскихъ женщинахъ наблюдатель замѣчаетъ, что онѣ—«статны и граціозны», на этотъ счетъ существуютъ даже поэтическія сравненія: «тонка, гнучка та висока, якъ тополя»; по гибкости и живости—она «ясочка» и быстра «якъ рыбка». Зато и «парубокъ»—«якъ орелъ». Вообще украинка не совсѣмъ похожа на свою великорусскую сестру—«лебедушку бѣлую». И нога украинки, не знающая лаптей, такова, что любезный

парубокъ, вызывая на ночное свиданіе свою «рыбоньку», успокоиваетъ ее тѣмъ, что если озябнуть ей босья «воженьки», то онъ ихъ спрячетъ въ свою шапку.

Между малоруссами встрѣчаютъ совершенно татарскіе типы, и наоборотъ—между крымскими татарами весьма рѣдки типичныя малорусскія лица. Есть между малоруссами и типы частѣйшихъ «восточныхъ людей»—кавказскихъ горцевъ. Это—если можно такъ выразиться—слѣды историческихъ скрещиваній, во времена очень отдаленныя, южнорусскаго народа съ печенѣгами и козарами, съ тюрками, берендѣями и черными клобуками, съ горскими нагаями и татарами, которые то осаживались на южнорусской землѣ, то забирали въ плѣнъ ея женщинъ, «золотокосыхъ» и «чернобровыхъ», подолчаночекъ и вныхъ полчанокъ, которыхъ рожали татарчить и сами бусурманились.

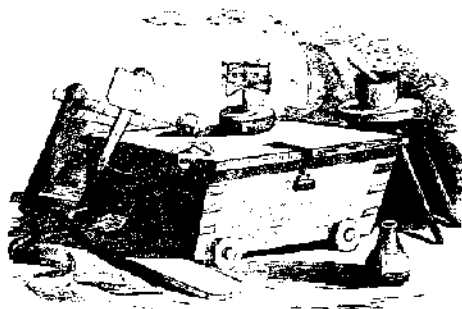
Дальнѣйшія характеристическія особенности малорусса заключаются въ слѣдующемъ.

По отношенію къ уходу за своимъ тѣломъ—онъ неряшливъ. Догтарная сорочка на «чумаки»—это даже нѣчто въ родѣ почетнаго признака. Малоруссъ совершенно не знаетъ бани, которая, по преданію, такъ поразила апостола Андрея. Гдѣ есть рѣка или озеро—тамъ малоруссъ купается лѣтомъ, но только когда онъ молодъ; за 30 лѣтъ онъ уже считаетъ себя старикомъ и стыдится купаться, предоставляя эту молодую забаву «парубкамъ» и «дичатамъ». Женщины моютъ головы по субботамъ, чтобы въ «недѣлю» идти въ церковь; мужчины же не моютъ и по субботамъ, но зато въ церковь непременно надѣваютъ «бизу сорочку». Что касается до жилища, то въ этомъ отношеніи малоруссъ любитъ чистоту даже изящество: у него хата выбѣлена, выкрашена цвѣтною глиною, «размалевана» и внутри утыкана цвѣтами и пахучими травами. «Хата»—его слабость, какъ у серба «куча». Хата должна быть «своя», а не чужая. «Девична» говоритъ «парубку», который хочетъ на ней жениться:

Зребы хату въ любви,
А въ чужую не веди.

Физиономія малорусса серьезна и, повидному, даже сурова; но подъ этой суровостью кроется мягкое, глубоко-отзывчивое сердце. Выраженіе лица у женщинъ, напротивъ,

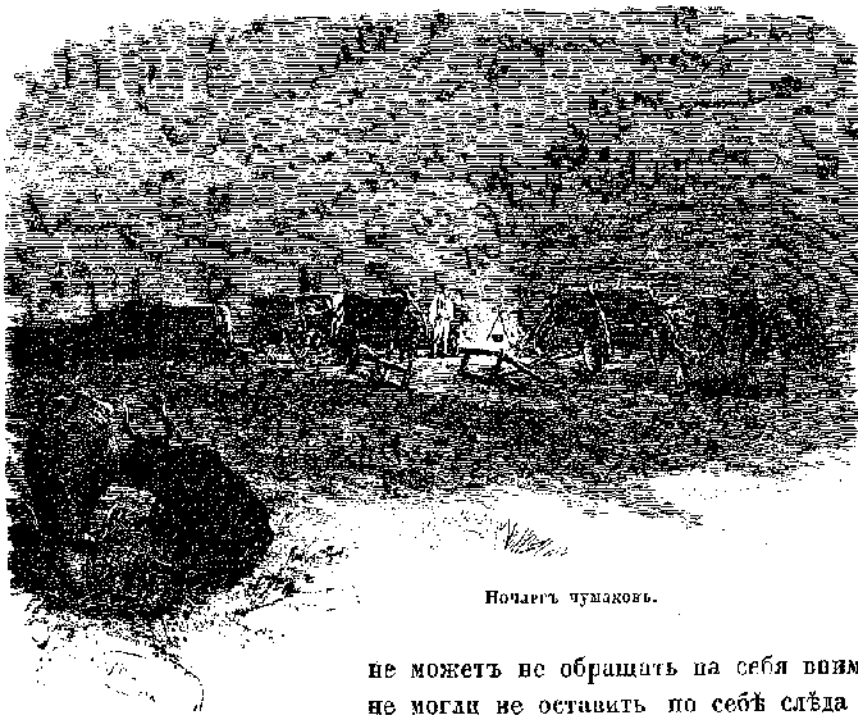
большую частью мягкое, привѣтливое, съ нѣсколько грустнымъ оттѣнкомъ. Малоруссъ говоритъ, обыкновенно, медленно и лаконически.—«Бувъ на ярмарку?»—«Эгѣ».—«Продавъ воли?»—(Кивокъ рукой).—«А де-жь гроши?»—«Овва!»—«Пропивъ?»—(Нѣтъ отвѣта). Разговоръ конченъ. Зато женщины очень говорливы и, вообще, говорятъ бойко; между ними «докотуха» и «сорочка»—не рѣдкость. Мужчины говорятъ медленно, съ сознаніемъ собственного достоинства,

Довашила утаарь.

Угощеніе справлявъ.

Ночлегъ чумаковъ.

не можетъ не обращать на себя вниманія. Прошедшія страданія не могли не оставить по себѣ слѣда въ этомъ племени».

Малоруссъ медлительнъ и солиденъ какъ въ походѣ, такъ и во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Оттого онъ и прослытъ «лѣнливымъ». Люди компетентные, въ судѣ надъ малоруссомъ, говорятъ, что, дѣйствительно, нельзя не признать доли справедливости въ приданіи украинцу эпитета «лѣнливого»: онъ довольно апатиченъ и, потому, не предприимчивъ. По сравненію

Въ вишневои садочкѣ.

«роняетъ немного словъ, но съ вѣсомъ». Но если онъ и любитъ иногда фразу, то въ ней звучитъ серьезный юморъ. Острота его мѣтка и часто клеймитъ на всю жизнь. Напротивъ, тонъ жезской рѣчи большею частью добродушно-наивный. Шутка женщины не рѣзка, и въ рѣчи ея, какъ и на лицѣ, всегда отыщется отбѣнокъ грусти. «Вообще, — замѣчаетъ наблюдатель, — нѣкоторая меланхоличность малоруссовъ

не можетъ не обращать на себя вниманія. Прошедшія страданія не могли не оставить по себѣ слѣда въ этомъ племени».

съ великоруссомъ, — онъ, безспорно, лѣнливъ. Хотя онъ уважаетъ трудъ и презираетъ лѣность, но, тѣмъ не менѣе, любитъ отдыхъ, любитъ полежать при всякомъ удобномъ случаѣ. Для него отдыхъ не только потребность организма, но и большое удовольствіе. Особенно онъ любитъ полежать на зеленой травѣ, на спящѣ, въ чему такъ располагаетъ прекрасная природа Малороссіи. По еще пріятнѣе лежится у «садочку», подъ вишнею или подъ грушею, когда спѣлая груша

сама поровитъ попасть въ ротъ. Словомъ, находятъ, что малоруссъ дѣятеленъ не потому, что у него есть потребность къ дѣятельности, а потому, что это необходимо. Женщины — совсемъ другое дѣло: у нихъ такъ много работы и такъ велика привычка къ труду, что онѣ не могли получить наклонности къ лѣни. Качества эти у малоруссовъ — историческое наслѣдство.